2022-08-12 **Газета "Правда". Когда государство бездействует**

Несмотря на регулярные громкие заявления высших руководителей о необходимости достижения научно-технологического суверенитета, Российское буржуазное государство по-прежнему находится далеко в хвосте по объёму реальной поддержки высокотехнологичного производства. И пока не видно никаких реальных подвижек в сторону изменения такой ситуации.

Разговоры о необходимости обеспечения научно-технологической «независимости», «суверенитета», поддержки высокотехнологичных производств с целью освобождения от позорной импортной зависимости от Запада звучат постоянно уже не первый год; в последние же месяцы интенсивность подобных разговоров возросла настолько, что они не слышны разве что только из включённого утюга. Понятно, что в экономике такая поддержка всегда должна сопровождаться приоритетным финансированием, быть составной частью продуманной инвестиционной политики, поскольку без масштабных вложений в разработку и процесс постановки на конвейер высокотехнологичных образцов обеспечить их массовое производство ещё никому никогда не удавалось. Как же обстоят дела в реальности?

А реальность выглядит совсем по-другому. Недавно обнародованы данные за прошлый, 2021 год. По его итогам (а напомним, что тот год всячески представляли чуть ли не как успешный «выход на траекторию экономического подъёма» после «ковидного» 2020-го) по общему объёму инвестиций в высокотехнологичные производства Россия остаётся на 38-м (!) месте со смехотворной для претендующей на позиции великой державы суммой в 0,8 миллиарда долларов. Хоть переводи (как стало «вдруг» сейчас модно в некоторых кругах) эту цифру в рубли, хоть не переводи — результат один и тот же, и он очевиден: капиталистическая Россия продолжает отставать по этому показателю от развитых капиталистических государств даже не в разы, а на порядки!

Вот конкретные данные. Отставание, к примеру, от Испании и Швеции — больше 10 раз. А уже с Канадой — участницей «большой семёрки» — такой разрыв превышает 17 раз. Но более всего показательно, что даже Бразилия — страна-участница БРИКС и отнюдь не входящая в категорию «развитых капиталистических стран» — и та обходит Россию по вложениям в высокие технологии тоже раз этак в 16 с небольшим! Бразилия, получается, средства и возможности находит...

О Германии и Франции нечего даже и говорить. Смейся не смейся над президентом Э. Макроном или над правительственной коалицией ФРГ на прокремлёвских пропагандистских телешоу, но факт остаётся фактом: инвестиционные системы в этих странах продолжают работать достаточно эффективно, обеспечивая им признанные позиции среди мировых технологических лидеров. Или взять Австралию — экономически высокоразвитую страну, по площади занимающую целый континент, но обладающую весьма скромным военно-политическим потенциалом. Уж как только не издевались над ней кремлёвские пропагандисты все последние месяцы по самым различным поводам! А она знай себе продолжает поддерживать высокотехнологичный сектор своей экономики — на 25 с половиной миллиардов долларов по итогам прошедшего года, что почти в 32 раза превышает российские технологические инвестиции.

Что касается Великобритании, то эта страна вообще уверенно держит 3-е место в мире по величине инвестиций в высокотехнологичный сектор, опережая Россию без малого в 70 (!) раз. Первое же место — что принципиально важно — продолжают столь же уверенно занимать США с более чем 350 миллиардами долларов (во сколько — нет, не раз, а сотен раз — эти вложения превышают российские, пусть подсчитают сами читатели), совершенно не собираясь его кому-либо уступать. Столь же принципиально то, что «серебро» устойчиво удерживает Китай, объём инвестиций которого в технологии — свыше 91 миллиарда долларов, что превышает российские в 114 раз.

О чём прежде всего свидетельствуют приведённые выше данные?

Во-первых, о том, что, несмотря на постоянную пропагандистскую клоунаду с «похоронами» Соединённых Штатов, которую мы чуть ли не ежедневно видим, например, на «Вечерах с В. Соловьёвым» на канале «Россия 1» (да и не только у него), США «умирать» совсем не торопятся и по-прежнему сохраняют мировое технологическое лидерство, продолжая целенаправленно инвестировать в передовые отрасли

экономики. Утверждать обратное — значит сознательно вводить наших сограждан в заблуждение.

Во-вторых (и это прямо вытекает из «во-первых»), Китай, совершив в последние годы впечатляющий научно-технологический рывок и наладив в целом эффективную инвестиционную систему, что и видно по его 2-му месту в списке мировых инвестиционных лидеров и существенному опережению ведущих европейских держав, в то же время пока ещё значительно уступает Соединённым Штатам по этому направлению. Этот факт, в частности, может объяснить некоторые моменты политики КНР в отношении США в последние годы и особенно месяцы, поскольку руководство Компартии Китая, в отличие от безответственных болтунов на Российском государственном телевидении, привыкло исключительно трезво оценивать свои силы и экономические возможности — прежде всего на передовых направлениях научно-технологического развития.

Наконец, в-третьих, на основе сказанного можно сделать обоснованный прогноз о том, что Китай со свойственной ему основательностью будет продолжать наращивать экономическую мощь, прилагая при этом как можно больше усилий и средств прежде всего в области научно-технологического соревнования с США. А это, в свою очередь, означает, что идущий по нарастающей все последние месяцы практически во всех новостных выпусках и политических ток-шоу на центральных телеканалах поток словесных заклинаний на общую тему «Китай, мол, нам с технологиями поможет» едва ли имеет шансы стать реальностью.

Напомним лишь об одном факте. «Правда» уже обращала внимание читателей на то, что китайский экспорт в Россию за первые месяцы уже нынешнего года состоит в основном только из готовой, товарной промышленной продукции, но отнюдь не из научно-технических продуктов, разработок или высоких технологий. Думается, что такой состав экспорта отражает естественную неготовность Китая — как, впрочем, и любой другой страны на его месте — самому, собственными руками создавать себе же завтрашнего конкурента на мировом рынке высоких технологий, делясь с ним результатами интеллектуальной деятельности своих учёных и конструкторов. И ещё рискну предположить, что при всех реалиях стратегического партнёрства сегодняшнего дня между нашими странами, руководство Компартии Китая имеет все основания не до конца доверять политике буржуазного руководства России и делиться с ним самыми совершенными, новейшими научными достижениями.

Поэтому окончательный вывод может быть только таким: пора решительно прекратить,

наконец, предаваться очередным надеждам из серии «кто-то нам поможет» и начать работать с опорой на собственные, внутренние силы. Для этого необходимо, засучив по-настоящему рукава и раскупорив финансовую «кубышку», заняться не на словах с трибуны, а на деле областью высоких технологий. Сразу возникает обоснованный вопрос: а есть ли такая «кубышка» или вдруг в российской экономике совсем не осталось средств для инвестирования, и мы, как ровно 24 года назад — в «чёрном августе» 1998-го, находимся на грани финансового коллапса? И второй вопрос: все приведённые выше данные характеризовали ситуацию на начало года, а изменилось ли принципиально что-то за прошедшие полгода, учитывая ещё и особые обстоятельства, в которых сегодня находится Россия?

Частично ответ на оба эти вопроса даёт заседание президентского Совета по стратегическому развитию и национальным проектам, которое состоялось совсем недавно — 18 июля 2022 года. Главную проблему обозначил сам президент В. Путин, который констатировал, что, оказывается, крупные российские госкорпорации накопили миллиарды долларов и «не знают, куда накопленные миллиарды девать». Во всяком случае, эти миллиарды в высокотехнологичные проекты так и не идут.

Вот это так признание! Ведь это — фактическое подтверждение того, что положение, сложившееся на начало года, то есть ещё до сегодняшнего санкционного кризиса, принципиально так и не изменилось. Несмотря на всевозможные призывы и заверения. Что до «накопленных миллиардов», то выходит, что деньги-то есть! И как в связи с этим не вспомнить хвастливое заявление (впрочем, а других он практически никогда и не делал) Анатолия Чубайса о том, что «денег у нас (в смысле, у таких, как он. — О.Ч.) очень много».

Отсюда следует очевидный вывод: средства, столь необходимые для обеспечения технико-технологического рывка нашей страны, особенно, повторимся, в сегодняшних условиях, имеются, но продолжают лежать без движения. И это несмотря на то, что упомянутые президентом Путиным государственные корпорации заработали эти пресловутые миллиарды как минимум при всесторонней помощи, а как максимум — вообще при непосредственном участии государства. Законный вопрос: неужели государство совсем не в состоянии направить эти средства в нужное русло?

Получается, что так, и причина прежде всего в том, что система инвестирования в передовые технологии, которая давно уже сложилась в развитых капиталистических государствах (не постеснявшихся в своё время перенять у Советского Союза опыт организации производства и стратегического планирования), напрочь отсутствует в

отсталой капиталистической России, которая зато с лихвой пытается компенсировать такое отсутствие, к примеру, блеском парадов и восхвалением кондового и давно сгнившего-перегнившего имперского прошлого.

А чем же, к примеру, обеспечивают лидерство те же США? Там основные инвестиционные потоки — те самые, многомиллиардные — в высокотехнологичные компании направляются в огромной степени благодаря деятельности специализированных инвестиционных банков. Об этой структуре следует сказать хотя бы несколько слов особо. Дело в том, что со времён осуществления «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта в Соединённых Штатах действует принципиально важный закон о разграничении деятельности инвестиционных и коммерческих банков. Согласно ему, специально созданные инвестиционные банки не могут заниматься откровенно спекулятивными операциями с частными вкладами, а сосредотачивают свою работу на финансировании инвестиционных проектов. Тем самым в США прямо стимулируется инновационная активность банков (включая тесное взаимодействие с передовыми технологическими компаниями и разработчиками научно-технических идей), поскольку лишь широкое внедрение в экономику передовых идей и технологий обеспечивает окупаемость и прибыльность сделанных инвестиций.

Казалось бы, всё просто, но только не для российских либералов ельцинско-гайдаровского пошиба и сменивших их во власти кондово-консервативных «патриотов»! Одни в 1990-е годы навязали нашей стране западные экономические лекала (при этом скопировав у них всё самое отсталое, сулящее лишь скорейшую выгоду, примитивное, самим развитым Западом давно отвергнутое), другие по сей день сохраняют в фактической неприкосновенности порочную либеральную спекулятивно-финансовую систему, свойственную в наши дни лишь отсталым и полуколониальным государствам. А коли российский банковско-финансовый сектор по-прежнему, как и 30 лет назад, остаётся «заточенным» на сугубо посредническую, а то и попросту спекулятивную деятельность по формуле «купи — обмани — поскорее продай», то каких долгосрочных, ориентированных на перспективу вложений в высокие технологии от него можно ждать?! И какой эффективной кооперации в этом деле между банками и госкорпорациями можно требовать, если государство на этот счёт до сих пор не имеет никакой продуманной политики и никак эту кооперацию не регулирует?

И всё это является лучшим подтверждением неоднократных заявлений КПРФ о том, что в стране, несмотря на очевидную, давно назревшую и даже перезревшую необходимость перемены социально-экономического курса, а сегодня усиленную ещё и обострением международных отношений, по-прежнему ничего кардинально не меняется.

Поэтому, как следствие, огромные деньги и могут лежать без дела в той самой пресловутой «кубышке», но не вкладываться в передовые производства. Ну как тут не вспомнить всем известный эпизод из знаменитого советского фильма «Место встречи изменить нельзя», когда карманник-рецидивист по кличке Кирпич издевался над милиционерами: «Ну нет у вас, начальники, методов против Коли Сапрыкина!» Как читатели, вероятно, помнят, «методы» на вора Сапрыкина у Глеба Жеглова в блестящем исполнении Владимира Высоцкого всё-таки нашлись, а вот у сегодняшнего российского государства, несмотря на всю восхваляемую «крутизну» его высшего руководителя и постоянные обещания высоких чиновников, методов по обеспечению передового технологического развития как не было, так нет и поныне.

Складывается устойчивое впечатление, что российская так называемая элита, несмотря на громогласные заявления и клятвы об уважении к истории, мало что читала (или не читала вообще?) из исторической, в том числе историко-экономической, литературы. В противном случае высшие представители этой псевдоэлиты не продолжали бы буквально вздрагивать от слов «государственное регулирование», ассоциируя его исключительно со страшащим их социалистическим общественным строем. Несовместимо-де какое-то там «регулирование» со столь любезным их сердцу «свободным рынком», идолу которого они уже 30 с лишним лет истово молятся, и точка!

Между тем в советское время любой студент-первокурсник экономического вуза знал, что государственное вмешательство в экономические процессы в той или иной степени существовало всегда — с самого момента зарождения первых в истории государств в дельте реки Нил и в междуречье Тигра и Евфрата. Другое дело, что роль государства в экономике объективно менялась в течение многих столетий и даже тысячелетий по мере усложнения самой экономики и развития общества. К примеру, трудно даже представить себе жизнь и деятельность, скажем, фараонов Древнего Египта или императоров великого Рима без постоянного личного контроля за проведением налоговой и торговой политики. А бывший в течение целой эпохи основным, как сказали бы сегодня, стратегическим противником Рима Карфаген, по свидетельству лауреата Нобелевской премии, известного немецкого историка и литератора Теодора Моммзена, вообще имел «развитое государственное хозяйство», в огромной степени как раз и обеспечивавшее военно-дипломатические успехи этого города-государства.

Конечно, на тот момент Карфаген был скорее исключением, и в течение целых тысячелетий государственное вмешательство в экономику в интересах развития самого государства ограничивалось в основном финансово-налоговой областью. Однако с дальнейшим усложнением самой экономики и с развитием общественных отношений в феодальную эпоху, а особенно — на её исходе, уже с приближением капитализма, участие государства становится всё более активным, в том числе — непосредственно в

производственной деятельности. Например, в королевской Франции ещё за полтора с лишним столетия до Великой революции, в период правления выдающихся политиков — кардиналов А.-Ж. Ришельё и Дж. Мазарини благодаря финансовой и организационной поддержке власти произошёл подлинный расцвет мануфактурного производства, что в немалой степени способствовало обретению тогдашней Францией, как сказали бы сегодня, статуса сверхдержавы.

Наконец, само становление капитализма просто немыслимо без активной поддержки государства. Взять хотя бы стремительный рост фабрик в Великобритании в эпоху раннего капитализма на рубеже XVIII—XIX веков, ставший стержнем знаменитого «промышленного переворота» во всём мире и невозможный без самой активной протекционистской и налоговой поддержки государства. А жёсткий протекционизм со стороны американского государства столетием позже, на рубеже уже XIX—XX веков, во многом обеспечил становление, в частности, мощного сельского хозяйства и металлургической промышленности США, ставших основой превращения Соединённых Штатов в великую экономическую державу.

Вот тебе, «либеральная бабушка», и «свободный рынок»!

Таким образом, на всём протяжении человеческой истории государство применяло самые разнообразные методы воздействия на экономику. Другое дело, что общими их особенностями в досоциалистический период были их применение по мере надобности, под влиянием обстоятельств, чаще — внешних (прежде всего войн), и отсутствие прямой связи с основными субъектами частной собственности, будь то рабовладельческие латифундии, крупные феодальные поместья или капиталистические заводы и фабрики. Лишь с переходом к социалистической, общественной собственности на основные средства производства возникает материальная основа соединения в процессе непосредственной хозяйственной деятельности субъектов собственности с планомерной организацией производства в масштабах всей экономики, и — что принципиально важно — не от случая к случаю, а на постоянной основе.

Пример такого соединения даёт становление в молодой Советской России государственной монополии внешней торговли, жаркая дискуссия о содержании которой вспыхнула как раз 100 лет назад. Ранее впервые в истории монополия внешней торговли как качественно новая форма организации внешнеэкономических отношений в масштабе всего национального хозяйства была установлена Советским государством на основе Декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР от 22 апреля 1918 года «О национализации внешней торговли», подписанного В.И. Лениным.

Органом Советского государства, уполномоченным непосредственно руководить внешней торговлей, был утверждён Народный комиссариат торговли и промышленности, впоследствии, в 1920 году, переименованный в специальный Народный комиссариат внешней торговли. Подобный орган так же создавался впервые в человеческой истории. Возглавил его видный деятель большевистской партии, выдающийся советский дипломат и теоретик организации внешней торговли Л.Б. Красин, имя и заслуги которого читателям «Правды», безусловно, хорошо известны.

Вспыхнувшая кровопролитная Гражданская война и необходимость прибегнуть к политике «военного коммунизма» на несколько лет отложили возможные теоретические дискуссии о трактовках монополии внешней торговли, да и вообще о наилучших формах её организации. Однако с переходом к нэпу этот вопрос встал, что называется, ребром. Настолько, что В.И. Ленин был вынужден предметно обратиться к сути монополии внешней торговли в одной из последних своих работ, уже осенью 1922 года. Этому предшествовали весьма показательные события.

Однако вначале необходимо сделать одно важное принципиальное замечание. Мы говорим именно о государственной монополии внешней торговли, и поэтому ни в коем случае нельзя допускать ошибку, сводя суть монополии государства к наличию какого бы то ни было конкретного, пусть даже эффективно работающего государственного органа. Или, напротив, недостаточно эффективно... Так вот, именно такого рода теоретическую и одновременно политическую ошибку — помимо прочих своих, известных в истории, — совершил кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) Н.И. Бухарин, который, рассчитывая на свой авторитет, обратился со специальным письмом в ЦК партии, где решительно выступал против государственной монополии внешней торговли, обосновывая свою позицию именно конкретными проблемами, возникшими при её осуществлении на первом этапе социалистического строительства.

«Ни у Ленина, ни у Красина, — писал Бухарин, — нет ни звука о тех бесчисленных убытках, которые несёт хозяйство страны от неработоспособности Наркомата внешней торговли, вытекающей из его структуры...» Как видим, перед нами — классический пример из той серии, когда за отдельными деревьями не замечают леса, в данном случае — прикрываясь конкретными недостатками, в частности «болезнями роста», призывают ликвидировать всю систему. Что же, ситуация, из истории нам хорошо знакомая, и, к сожалению, последствия подобного подхода мы испытали на себе... В качестве вывода Бухарин предлагал на предстоящем пленуме ЦК фактически отказаться от монополии внешней торговли, заменив её «эффективной таможенной охраной».

В.И. Ленин, будучи уже тяжело больным, вынужден был незамедлительно вмешаться. Он направляет И.В. Сталину (ещё раз к вопросу о мифических «разногласиях» между Лениным и Сталиным! — О.Ч.) специальное послание «О монополии внешней торговли (Товарищу Сталину для пленума ЦК)», в котором прямо отмечает, что: «никакая таможенная политика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми... В указанных условиях полностью сломить эту (таможенную. — О.Ч.) охрану может любая из богатых промышленных стран..., [введя] вывозную премию за ввоз в Россию тех товаров, которые обложены у нас таможенной премией. Денег для этого у любой промышленной страны более чем достаточно...» (выделено мной. — О.Ч.).

Ну и разве это не сверхактуально для дня сегодняшнего, когда «мировой печатный станок», находящийся на территории США, продолжает в их интересах свободно печатать главную резервную валюту, от которой по-прежнему зависят все мировые финансовые расчёты? И эту валюту по-прежнему же можно использовать для попытки слома — по Ленину — неугодных экономических систем, причём необязательно социалистических. В продолжающуюся и никуда не девшуюся эпоху империализма страны — пусть уже не нищие, но ещё всё же куда более бедные по сравнению с ведущей страной западного мира и её ближайшими союзниками, — остаются уязвимыми.

Поэтому, переходя конкретно к проблемам сегодняшней России, можно сказать: да, в условиях специальной военной операции, пока «разговаривают» ракеты и гаубицы, такая экономическая уязвимость какое-то время может ещё рассматриваться лишь в контексте вводимых против нашей страны односторонних санкций. Однако с завершением операции и неизбежным приходом мира вопрос нашей экономической слабости (и прежде всего научно-технологической, с чего мы начали эту статью) неизбежно вновь приобретёт ключевое значение для всего последующего развития страны.

Для ликвидации такой слабости, как уже не раз говорилось, необходима целенаправленная государственная политика. Какой она должна быть? В приводимом нами послании И.В. Сталину В.И. Ленин прямо подчёркивает, что невозможно «сделать Россию промышленной страной без охраны её никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли» (выделено мной. — О.Ч.). При этом Ленин несколько раз возвращается к вопросу о том, что улучшение работы конкретного государственного органа (в нашем случае — Наркомата внешней торговли) в условиях нэпа должно подкрепляться эффективной работой смешанных обществ, где частный капитал и мелкое [в условиях переходного периода —

крестьянское] хозяйство, имея свою выгоду, трудятся при организующей роли государства ради обеспечения эффективного экспорта.

100 лет назад будущее молодой Советской России определяло промышленное развитие, прежде всего — в области тяжёлой индустрии. Сегодня — при всей важности промышленности в целом — будущее нашей страны определяет сфера высоких технологий — от их изобретения в лабораторных условиях до внедрения в производство в широких масштабах. Современное буржуазное государство может бояться всего, что ассоциируется с чем-то похожим на «монополию внешней торговли» и т.п. Но воспользоваться подходом, применённым при организации такой монополии 100 лет назад, причём элементы которого уже многократно использовались на развитом Западе, капиталистическая Россия могла бы вполне.

Объявление в той или иной форме государственной монополии на организацию деятельности по обеспечению научно-технологического суверенитета — без какого-либо ущемления прав собственности, пусть не вздрагивают! — могло бы стать первым реальным шагом по объединению усилий банков и госкорпораций (а в перспективе — малого и среднего бизнеса) по аккумулированию инвестиционных средств для проектов по созданию высоких технологий в самых различных областях. Дело за малым — чтобы у сегодняшнего государства такое желание появилось.